

совсем не страшно
В ТЕМНОТЕ

Наталья Винокурова

Наталья Евгеньевна Винокурова

Совсем не страшно в темноте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805223

ISBN 9785447460020

Аннотация

Черта между миром мёртвых и живых нарисована мелом, и если только мы осмелимся её стереть – можно легко заглянуть по ту сторону. Герои рассказов, каждый по-своему, приподнимают вуаль тайны, отделяющую жизнь от смерти, и с удивлением узнают: расставание с физическим телом – это не конец истории, а только её начало.

Содержание

Проводники	7
Глава 1	7
Заметка первая	12
Глава 2	13
Заметка вторая	18
Глава 3	19
Заметка третья	27
Глава 4	28
Заметка четвёртая	34
Глава 5	35
Заметка пятая	39
Глава 6	40
Заметка шестая	44
Глава 7	45
Заметка седьмая	47
Эпилог	48
Душа Тринадцатого	50
Глава I	52
11.02.1993, четверг	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Совсем не страшно в темноте

Наталья Евгеньевна Винокурова

*Накрывая одеялом
И укладывая спать,
Так мне бабушка сказала:
– Ты не бойся засыпать.*

*Закрывая глазки крепко,
Позабудь о темноте.
Ты сама ведь выбираешь,
Что увидишь ты во сне.*

*Если хочешь приключений,
В сон к себе их позови,
И волшебных превращений —
Легче лёгкого они!*

*Или сказочные звери
Постучатся в твою дверь.
И лисицы, и медведи,
И слоны – ты только верь!*

Музыкантов хор задорный

*Будет весело щуметь,
Или принц на белом пони
Станет серенады петь.*

*– Ну а если кто обидит,
Бармалей, волшебник злой?
– Пусть всегда с тобою ходит
Пёс большой, сторожевой!*

*И теперь я без волнений,
С радостью иду в кровать.
Ведь вот так ни днём, ни ночью
Мне не страшно засыпать!..*

*...Бабушка лежит бездвижно,
Она очень крепко спит.
Закопают её в землю,
Так мне мама говорит.*

*Я иду к её кровати,
Я подушку подомну.
Поправляя покрывало,
Я тихонько говорю:*

*– Бабушка, совсем не страшно
В темноте, внизу, в земле.
Мы ведь сами выбираем,
Что увидим мы во сне!*

Наталя Винокурова

Эта книга посвящается моей маме, ушедшей

от нас в 2009 году.

Дизайнер обложки Наталья Евгеньевна Винокурова

© Наталья Евгеньевна Винокурова, 2024

© Наталья Евгеньевна Винокурова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-6002-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проводники

Нельзя однозначно сказать, что случается с человеком, когда прерывается его жизнь. Каждый случай, как и каждая душа, индивидуален, а решать, куда именно отправится умерший, должна особая невидимая сущность – проводник. Он не будет рассказывать вам сказок о рае и аде, если вы того не попросите. Вместо этого он предложит вам самим создать свой собственный, уникальный мир.

Рассказ написан легко и с иронией, потому что именно так, по мнению проводников, и следует относиться к смерти.

Глава 1

– Зинаида Петровна, выслушайте меня, пожалуйста!

– Откуда ты тут взялся, сукин сын?

– Зинаида Петровна, – я поднял вверх раскрытые ладони, чтобы показать, что в руках у меня нет ничего, чем я мог бы причинить вред пожилой даме. – Я пришёл сказать вам кое-что важное.

– Я сейчас в милицию позвоню!

– Непременно позвоним. Но сначала послушайте, пожалуйста.

– Пёс с тобой, говори.

– Вы только что умерли, Зинаида Петровна.

– Ах ты, прохиндей, шутить со мной решил?! Я, между прочим, ветеран войны и труда!

– Я с уважением смотрю на вас и прожитую вами жизнь. Но, поймите, пришло время уходить.

– Я, кстати, – занудно проговорила старушка, – себя отлично чувствую! Самому тебе в больницу надо, ишь чего выдумал, ненормальный!

– Зинаида Петровна? А попробуйте сделать так.

Я раскрыл ладонь левой руки и проткнул её пальцами правой, так, чтобы они вышли с тыльной стороны.

– Видите? Вы тоже так сможете! Попробуйте!

– Я ни черта не вижу, у меня плохое зрение, – с железной строгостью в голосе проговорила Зинаида.

– Я подойду ближе. А так?

– Я и вблизи ничего не вижу.

– Но то что на кровати лежит ваше мёртвое тело – это вы должны были заметить! Вон там, посмотрите.

– Ничего там нет, – наотрез отказала старуха. – Заканчивай городить свои сказки, мальчик!

– Пфф... – в усталости я решил сесть за стол, но, забыв вовремя уплотнить тело, просочился сквозь табуретку и шмякнулся на пол.

– Осторожней, голубчик!

– А сейчас?! – возликовал я, поднимаясь. – Сейчас вы ви-

дели?!

– Ну да, – безразлично ответила бабушка. – Ты не рассчитал расстояние и упал мимо стула.

– Да не мимо стула, а сквозь него! Потому что я мёртв, так же как и вы!

– Ах мёртв... Ну тогда, голубчик, я лучше позвоню в «скорую»! – голос Зинаиды Петровны снова начал закипать. – Шуточки он тут со мной шутит, дефективный.

– Звоните, – сдался я.

В конце концов, когда она не сможет поднять телефонную трубку, она наконец задумается над моими словами.

– Ан, нетушки! Пожалуй, сначала я возьму свой костыль и отдубашу тебя хорошенько! Где это видано, посреди ночи к приличным бабушкам залезать!

– Берите уже что-нибудь, – я обречённо согласился.

Старуха потянулась за клюкой, сцепила на ней запястье и сделала мах, который, судя по всему, уже вошёл у неё в привычку. Но удара не последовало. Бабуля замерла, задержав руку на полпути, и оглянулась. Клюка стояла у стенки нетронутой.

– Что за чертовщина!

– Зинаида Петровна, посмотрите, – я подошёл совсем близко к ней и показал свою ладонь. – Так как вы мертвы, сейчас у вас очень тонкое тело. Такое тонкое, что, не уплотнив его, вы не сможете взять ни одного предмета. Посмотрите на мою руку. Видите, она светлая, едва заметна и почти

вся прозрачная. Через неё видны даже ваши узоры на обоях. А если я сделаю так – рука уже не будет бесцветной, она немного потемнеет и станет лучше видна. Такой рукой вы сможете взять вашу клюку, попробуйте.

Зинаида Петровна посмотрела сначала на свою руку, потом на клюку. Потом снова на руку.

– Я понимаю, вас этому никогда не учили. Но теперь придётся научиться. Это не сложно. Посмотрите, как я это делаю.

– Руки прочь от моей клюки, извращенец!!!

«Сдаюсь», – мысленно подвёл итог я.

Я понял, что без подмоги мне не обойтись.

– Азур, явись и помоги мне, пожалуйста.

Эта просьба была скорее условностью, поэтому я и предал ей шуточный оттенок. Азур давно уже наблюдал за мной и моим полным фиаско. Я и сам прекрасно сознавал, в чём моя ошибка. По неопытности, я каждый раз приходил к ним такой, какой есть, в облике своего физического тела, коим я некогда обладал. Я был слишком мил для Смерти. У меня были каштановые, чуть выющиеся волосы, голубые глаза и насыщенно-синий, с оленями, свитер, который когда-то на Земле вязала мне мама и образ которого я с любовью сохранил.

Согласен, стиль со временем надо менять.

Азур же никогда не утруждал себя долгими беседами со стариками. Он действовал классически: принимал образ

человеческого скелета, с чёрным балахоном поверх, надвигал капюшон пониже на глазницы и угрожающе держал правой рукою косу. Многие умершие его пугались, но зато можно было не тратить времени на объяснения.

– Зинаида Петровна!.. – судьбоносным голосом изрёк Азур, вытягивая вперёд руку. – Ваше время пришло... Идёмте со мной, Зинаида, и я отведу вас к Богу. Оставьте все свои тяготы здесь. Идёмте, и я познакомлю вас с...

Он приблизился к моему уху и спросил вкрадчиво:

– Она православная?

– Вроде да.

– ...Я познакомлю вас с Иисусом Христом и его Всемогущим Отцом-Господом нашим! Идёмте же, Зинаида, сегодня великий день! Этот свет будет сиять нам на нашей дороге к Богу!..

Старушка притихла и враз потеряла всю свою спесь. Её глаза загорелись изумлением и интересом. Секунда – и она вкладывает свою руку в костлявую ладонь Азура и делает шаг вперёд.

– Жди меня на улице, – оборачиваясь, сквозь зубы проговорил коллега.

Через несколько мгновений он исчез со старушкой в сфере света. Ещё через миг исчезла и сама сфера света, и я остался один в темноте предрассветного часа.

Заметка первая

Ложь. Ложь и кровь горят предрассветными воспоминаниями. Я стар, я пуст. Мне нечего сказать этому миру. Вся красота, что создана мной, является лишь маской. Даже сам я – маска, которую когда-то создал. Я никто и ничто. Я разрушил себя. И я неудовлетворён, мне мало, я до сих пор продолжаю разрушать. Хуже того, я продолжаю учить разрушению. Я ненавижу себя.

Но разрушение – это ведь тоже всего лишь маска. Разрушение – только иллюзия пустоты...

Глава 2

В свободное от работы время Азур тоже предпочитает принимать свой человеческий облик. При жизни он был альбиносом – страдал от недостатка меланина – поэтому у него и сейчас абсолютно белые волосы и брови, очень светлая кожа, а радужка глаза немного отблёскивает красным. По его словам, он раньше очень комплексовал по поводу своей внешности, теперь же, как мне кажется, скучает по ней, поэтому так бережно хранит и укрепляет с каждым днём свою человеческую форму.

– Прости, Азур, опять я тебя беспокою...

Азур был первым, кого я увидел, когда погибло моё физическое тело. Одним весенним днём, когда я торопился в институт, на переходе меня внезапно сбила машина.

Я пролетел сквозь весь автомобильный салон – влетел в лобовое стекло и вылетел в заднее – но почему-то совсем не ушиб себя, даже не порезался. Подняв голову, я увидел перед собой молодого мужчину с очень светлыми прямыми волосами почти до плеч, в строгом белом пальто и таких же белых, идеально выглаженных брюках со «стрелочками». Он подал мне руку и улыбнулся комично:

– Вот и приехали, Стёп. Меня зовут Азур.

– Ну и лихач!.. – встав, я автоматически отряхнулся, но тут же с удивлением осознал, что не был грязным. – Спа-

сибо! Жаль, мне некогда знакомиться – пара скоро. Я победил!

– На кого ты учишься? – остановил меня Азур.

– Я в педагогический пошёл. Географии буду детей учить.

– Теперь тебе предстоит учиться несколько другим вещам, Степан. Я бы сказал, рисовать карту неизведанной земли. *Terra incognita*, проходили такое?

– Я не совсем хорошо вас понимаю...

– Взгляни туда – поймёшь. Только, – он придержал мою голову, – очень аккуратно смотри. Очень-очень аккуратно.

Он расслабил ладони, которыми сдерживал моё лицо, и я смог обернуться. Из моего рта вырвался возглас отчаяния, а живот панически сжался, словно копируя человеческий рвотный рефлекс. На асфальте, в нескольких метрах от меня, лежало моё исковерканное физическое тело – рваное, покорёженное, окровавленное. Ноги и руки были неестественно выгнуты, а из открытых переломов торчали кости. Из-под черепа на асфальт ползло что-то бурое вперемешку с серым.

Я был чрезвычайно мёртв.

И вместе с тем, я стоял на той же улице, рядом с человеком в белом и разговаривал с ним. Анализировал, сопоставлял, удивлялся...

– Я догадываюсь, о чём ты сейчас думаешь.

Он догадывался. А сам я и понятия не имел, о чём на моём месте тут можно думать. Я никогда раньше не попадал в такие ситуации и не знал, как в них принято себя вести.

– Хочешь остаться и посмотреть ещё немного, или пойдём? – голос человека был мягким, поддерживающим, и отчасти меня успокоил. Да, я хотел бы ещё на какое-то время остаться, но, снова обернувшись на тело, принял решение об обратном.

– Давай уйдём. А что там, дальше?

– Что захочешь.

– Как это?

– Ты сам выбираешь.

– Погоди, а рай и ад... реинкарнация... Что-нибудь из этого существует?!

– Они существуют, если ты в них веришь. Ты хотел бы ещё раз родиться? Или есть яблоки в райском саду? Или тебе больше по вкусу шашлыки на дьявольских шампурах?..

– Азур, – я впервые назвал его по имени. – Я не хотел бы уходить из этого мира. Здесь у меня все... Все: мама, папа, бабушка, Танечка... А в райском саду – никого. Зачем такой рай, в котором ты одинок?..

– Ты толковый парень, Степан. Если хочешь остаться здесь, на Земле, то ты можешь стать таким как я. Проводником.

– Проводники учат душу жить в новом мире?

– Вроде того. Ты верно уже заметил, что этот мир отличается от твоего прежнего, из которого ты пришёл. Необходимо время, прежде чем умершие адаптируются. Мы им помогаем.

– Что ж, тогда я хочу сначала сам всему научиться. Показывай свою «Terra incognita».

– Да-а... Эта Зинаида Петровна даже самую смерть в могилу сведёт. Правда, Сет? – вернувшийся Азур присел рядом со мной на скамейку в парке.

С тех пор как я работаю вместе с ним проводником, он дал мне прозвище «Сет», сказав, что оно более «Степана» подходит для моей новой роли, и притом немного созвучно.

– Прости, что опять побеспокоил тебя, – повторил я.

– Беспокоить меня нежелательно живым. А тебя я всегда рад видеть.

Азур подмигнул и потянулся, расставляя руки в стороны.

– Отличная осень начинается. Да, Сет? Ты любишь земную природу, потому и остался. Верно?

– Здесь красиво, да. Но мне всегда кажется, что я здесь не поэтому.

– Почему же?

– А ты – почему?

– Потому что я люблю эту осень. Посмотри только на те жёлтые листья. Удивительно, какие они яркие. Сейчас они ещё сидят на дереве, потому что ветер пока не подул, но стоит ему подуть – рассеются золотым дождём по этому бесцветному асфальту. И, погибая, скроют серость человеческой жизни в своём цвете. Именно так, ярко, и должна выглядеть смерть. Ну а пока – они висят на ветках, там, в кро-

нах деревьев, и пропускают через себя солнечных зайчиков, становясь от этого ещё прекраснее.

Мне всегда казалось, что Азур кривит душой. Вовсе не какие-то там листья, каждый год одинаковые, держат его здесь. Вероятно, это что-то связанное с его земной жизнью, но он никогда о ней не рассказывает. А я больше не спрашиваю. Мне просто приятно находиться с ним, учиться у него и работать с ним в паре. Можно сказать, что он, как первый встретивший меня здесь, был моим отцом в новом мире, на новой, неизведанной земле.

Заметка вторая

Будь я проклят за то, что не смог его уничтожить. Я не смог его увести и сделал хуже – сделал его себе подобным. Я обрёл его на путь лжеца.

Мы никогда не найдём истины, мы слоняемся в темноте. Всё, что мы имеем, – это наша маска с комичным оскалом. Мы надеваем её сами перед собой, и за маской не видно гримасы боли и слёз. А вместе с тем эта боль – единственная истина, которой я обладаю.

Ещё один день, ещё сотни душ, ожидающих рая, и без предупреждения усыпленных подобно животным. Когда человек говорит, что хочет стать ветеринаром, осознаёт ли он, что ему придётся и усыплять?

Я ненавижу себя.

Глава 3

Как вы думаете, чего хотят люди после смерти? Хотят ли они продолжать своё развитие, учиться, познавать? Удивительно, но многие – нет. Обычно они просят отправить их туда, где смогут получить желаемое, но не достигнутое при жизни. Нищий – туда, где у него будет много денег, одинокий – туда, где у него есть друзья и любовь, бесплодная – туда, где она счастливая мать. И я отправляю. А что мне ещё остаётся. Если в этом заключалась главная цель их существования – пусть будет так. Что касается меня – я рад быть здесь, рад быть полезным и, более того, иметь возможность каждую ночь видеть мою Танечку. Её спящее личико для меня – единственное и ни с чем не сравнимое счастье.

Однако рабочий день пока ещё в самом разгаре. Как для проводников, так и для служащих офиса, в котором я сейчас нахожусь. Эта человеческая работа так утомительна: люди что-то кричат, суетятся, бегают повсюду с папками бумаг... И совсем не замечают Смерти, стоящей посреди коридора.

Вы уже знаете – я новичок. Никогда не могу точно рассчитать времени, и каждый раз прихожу раньше. Опаздывать ведь мне нельзя.

– Рита, Алексею Викторовичу плохо! Вызови «скорую» быстро!!!

Пожалуй, пора браться за работу. Хотя, может, его ещё

и спасут. Ложные вызовы у нас тоже случаются.

Я пошёл на звук. Звения посудой, секретарь судорожно пыталась накапать директору «Корвалол». Мужчина, покрасневший, с расслабленным галстуком и полурасстёгнутой рубашкой, шумно втягивал в себя воздух, едва не стекая на пол с директорского кресла. Он был очень плох.

Такие моменты для человека самые неприятные, да. Когда постоянно работаешь, вертишься в этом круговороте, вечно решаешь какие-то дела, то напрочь забываешь о себе. А потом, когда ты вспоминаешь и поднимаешь голову от бумаг, Смерть уже здесь, в твоём рабочем кабинете.

– Доброго дня, Алексей Викторович. Меня зовут Сет.

– Фух, слава богу отпустило! Тебе чего надо? Дел по горло...

– Я пришёл сказать вам очень важную новость. Боюсь, вам уже не придётся возвращаться к своим делам.

– Да кто ты вообще такой, чтобы мне указывать! Говори, зачем пришёл, и проваливай! Ты курьер? Принёс письмо?

– Письма нет, я скажу на словах.

– Валяй.

– У вас только что случился инфаркт миокарда, и вы умерли.

– Чтоб ты сам сдох! Это же надо – нести такую чушь!

– Я уже полгода как мёртв.

– Риточка, выпроводи этого ублюдка! Кто его вообще сюда пустил?... Риточка?... Леночка?..

В кабинете было пусто, едва увидев характерно искривлённый рот своего директора, обе секретарши в страхе разбежались звать на помощь. Озираясь по сторонам, начальник наткнулся на своё обездвиженное тело и осёкся. Дотронулся до него ногой. Перевёл взгляд на меня и в растерянности моргнул.

– Алексей Викторович, вы должны будете идти со мной. Скажите, куда бы вы хотели направиться, и я вас отведу.

– Чёрт бы тебя побрал... – он попытался присесть на соседнее кресло, но с непривычки упал сквозь него, так же как и я прошлой ночью. Он провалился бы и через пол, но я вовремя его удержал, подав руку.

– Напрягите ступни чуть-чуть. Уплотните их. Как у меня, видите? Так вы сможете стоять. Если напрячь бёдра, можно сесть.

– Понял, – он предпринял ещё одну попытку опуститься в кресло, на этот раз удачную. – Дело в том, парень, что я не могу сейчас уйти. У меня сегодня совещание, подписание контракта, ещё две важных встречи вечером. Ужин с женой, наконец... Поэтому давай-ка быстренько отправь меня обратно в тело, и закончим с этим. Был рад общению.

– Алексей Викторович, при всём моём уважении к вам как к директору, вы не можете мне приказывать. Я подчиняюсь собственному высшему руководству, и если оно решило, что ваш опыт на Земле завершён, значит это так. Поздним вечером у меня тоже запланирована встреча с любимой, поэтому,

прошу вас, примите своё решение и ответьте на мой вопрос. Куда бы хотела направиться ваша душа? Где она чувствует свой дом?

– Я не хочу никуда идти!

– Помощь нужна? – в окно кабинета зловеще проникла костлявая рука с косой.

– Спасибо, Азур, на этот раз я сам.

– Тогда я просто зайду водички попить.

Коллега, уже в своём привычном облиции, человеческом, прошёл к кулеру и по-свойски наполнил пластиковый стакан.

– Знаете, Алексей, – заговорил он, присев на диван и закинув ногу на ногу. – А ведь всё здесь, в вашем человеческом мире, сизифов труд. Напрасный. Сначала вы сами создаёте для себя барьеры, а потом всю жизнь их преодолеваете. Или рушите.

– Слушайте, уважаемый, – оскорбился директор. – У меня тут не бал ангелов смерти. Прошу вас побыстрее уладить наш вопрос и...

– Позвольте мне договорить. Благодарю. Итак, всё в вашем мире бренно, – Азур словно ненароком смахнул несуществующую пыль со своих безупречно выглаженных белых брюк. – Вы сначала сами придумываете для себя достижения, потом достигаете их, а потом теряете всё. Потому что эти достижения являются только вашим вымыслом, плодом вашей фантазии, и за пределами вас их не существует. Таким

образом, на протяжении всей жизни вы играете в игрушки. Вот например те же деньги. Сами придумали, сами поделили. Зарабатываете. Вам и в голову не может прийти, что того блага, которое вы назвали деньгами, может быть нескончаемо много. Что есть такое пространство, которое целиком состоит из того, что вы нарекли деньгами. Понимаете?

– Понимаю, – ответил Алексей Викторович, уже более заинтересованно. – А курс евро там какой?

Азур поманил меня пальцем и шепнул на ухо:

– Какой сейчас курс, Сет?

– Рублей восемьдесят. Я давно не...

– Сорок к одному, Алексей, – гордо озвучил Азур. – И никакой инфляции! Банки открыты круглосуточно, вклады под девятью процентами годовых. Ипотечное кредитование от одного процента. Притом – совсем забыл – вы же финансовый директор! Это значит, что вы сами выбираете, какими курсы валют и бумаг будет завтра!

Глаза Алексея Викторовича пылали.

– Забыл добавить, Алексей. Перелёт – за счёт компании.

– По рукам, ребята. По рукам, я согласен. И давайте отправимся поскорее!

Азур иронично подмигнул мне и удалился первым, оставив после себя на диване лужу «выпитой» воды.

Танечка моя, любимая... О чём ты думаешь? Что снится тебе этой беззвёздной ночью? Вспоминаешь ли ты меня, или

давно забыла? Ушки забыли мой голос, а сердце забыло мою улыбку. Люди такие самозабвенные. У них такая короткая память. Но я не виню. Я люблю тебя всякой, Танечка. Моё чувство к тебе осталось таким же, как и в день моего ухода. Я испортил нам годовщину – прости. Не был аккуратен, не потерпел всего лишь недели. Ты плакала много тогда, но время стирает всю боль. Не надо грустить. Будь счастлива...

Дождь барабанил по металлическому подоконнику. Люди любят наблюдать за этим из окна. Им нравится смотреть, как ударяются и отскакивают упругие капли. Если следить за ними долго – час или два – то начинаешь видеть больше. С каждой новой каплей слабеет, вымываясь из глубин души, острое чувство одиночества. Весь этот плачущий холодными слезами земной шар становится твоим другом. Жаль, люди нечасто могут позволить себе провести столько времени у окна, просто созерцая. И даже когда они позволяют себе немного насладиться непогодой, они видят только серый подоконник и капли. Они не желают видеть Смерть, сидящую у их окна. Но сюда я пришёл вовсе не для того, чтобы работать.

Я протянул руку сквозь стекло и отодвинул тёмно-синюю штору, плотную преграду, отделяющую её комнату от внешнего мира. Заглянул внутрь и замер в растерянности. Танечка... Моя любимая, милая Танечка, не спала. И она была не одна. И ей, как я может быть и желал бы, сам себе в этом не признаваясь, вовсе не было грустно.

Я смутился. Удивительно, но во мне в этот момент не возникло ревности, соперничества, горечи или какого-либо ещё негативного чувства – просто пустота. И именно эта пустота меня смутила, потому что я ждал своей обычной, человеческой реакции. В первый раз за все эти полгода я ощутил, что мертво не только моё физическое тело, но и мои эмоции.

Я немного уплотнился и позволил дождю омыть меня. Охладить. Дождь намочил мне волосы. Я позабыл про образ свитера, и дорожки воды потекли по моим обнажённым плечам. Потом я поднял голову к небу, и струйки теперь текли уже по лицу: по щекам, носу, подбородку. Немного щекотно, но уже не так, как при жизни. Почти никаких красок, почти без чувств.

– Она молода, Сет. Я бы сказал, чересчур молода, чтобы оставаться твоей вдовой. – Азур и здесь счёл своей обязанностью курировать меня. – Кстати, а она красива телом.

– Прекрати на неё пялиться.

– Ты ведь тоже смотришь.

– Азур...

– Пожалуй, между вами всё кончено, брат, – с наигранным трагизмом проговорил он, а затем незамедлительно улыбнулся мне. Да, мы оба понимали, что причины для печали нет. Но и причины для радости я не видел.

– Скажи, у тебя ведь тоже случалось такое?

– Я уж и не вспомню. Сотни лет прошли. Твоя Таня вот через полгода тебя забыла – а я за столько веков должен пом-

нить, кого я там когда-то любил?..

– Значит, чувство не было истинным?

– Конечно же нет. Истина доступна единицам. И ты это знаешь. Мы все это знаем после смерти, но при жизни – почти никто.

– Азур, пошли, может, убьём кого-нибудь?

– Работать от скуки – что может быть прискорбнее.

– Это не скука. Только что я почувствовал себя бесполезным. Пустым. Я никогда раньше не ощущал ничего подобного и хотел бы...

– Можно. Только чур теперь я выбираю адрес.

Заметка третья

Его любовь прожигает на мне раны как кислота. Каждый раз когда человек умирает, я вынужден задушить все его чувства, ведь ни одно из них больше не пригодится ему за пределами покинутого мира, а в особенности – любовь. И тут никакие перчатки мне не помогают: я каждый раз сжигаю кожу до костей её жаром.

Любовь каждый раз настоящая. Даже слепая, неосознанная любовь так же больно жжёт. В неё вложено так же много силы. Бесконечно много. Но у меня нет выбора. Я уничтожил их союз точно так же, как любой другой союз, в котором волей обстоятельств произошла смерть.

А когда он смотрел мне в глаза с истинной скорбью, вместо того, чтобы оставить его наедине с потрясением, я уничтожил остатки этого чувства в нём. Я разорвал в клочья его последние надежды на романтику.

Уничтожать – всё, что я умею. Прости Сет, я слишком деструктивен, чтобы научить тебя чему-то хорошему.

Глава 4

Я сидел на крыше кабинки колеса обозрения, в самой высокой его точке, и созерцал осенний парк. Ноябрь. Заморозы на траве и редкие детишки, укутанные в шарфы и тёплые куртки. Совсем скоро выпадет снег, и от той картины, которую любит Азур, не останется и следа. Белый иней скроет все краски от уставших человеческих глаз. А мне нравится любая погода, любое время года, как и прежде.

Колесо сегодня не работало, и я мог в полной мере наслаждаться пейзажем, не боясь быть потревоженным движением механизма. Но вдруг:

– Привет, – раздалось сзади тихое. – Подвинешься?

Я удивлённо обернулся. Ни одно живое существо не смогло бы своими силами забраться на такую высоту, не говоря уж о том, чтобы увидеть меня. Однако, опровергая все мои сомнения, на меня смотрел самый настоящий человек. Девушка, худенькая, невысокая, с выющимися белокурыми локонами. Она оттиснула меня ближе к краю и присела рядом:

– Как тебя зовут? – легко и непринуждённо, совсем не страшась высоты, спросила она.

– Стёпа, – от удивления я напрочь забыл о своём псевдониме. – Скажи, а ты не боишься упасть?

– Ничуть. Я уже падала отсюда однажды. Даже несколько раз. Первый раз было больно, во второй – ничего не ощутила.

Потом поняла, что могу теперь падать, пока не надоест, и всё равно не умру до конца. Я самоубийца.

Я смотрел в её широко раскрытые и по-детски наивные голубые глаза и не находил слов. Наконец, я решился задать вертящийся на языке вопрос:

- А когда ты умерла... неужели к тебе никто не пришёл?
- Ну как, люди сбежались. Милицию вызвали.
- Я имею в виду нас – проводников.
- Проводников?!
- Да, провожающих душу в иные миры.
- Как интересно. Нет. Меня Верой зовут.
- Степан, – машинально ответил я. – Ах да, я уже говорил.

Прости. А ты думала над тем, чтобы уйти отсюда?

– Честно говоря, да. Мне уже порядком надоел этот парк и его посетители. И это колесо, к которому я возвращаюсь снова и снова. И падения. Понимаю, это глупо, но я до сих пор не знаю, как можно всё это завершить.

– А куда ты хотела бы отправиться? Где тебе было бы более комфортно?

– Комфортно... Не знаю.

– Ну, может ты о чём-то мечтала при жизни?

– Признаться по правде, последнее время я мечтала только об одном – уйти.

– Уйти куда?

– Не знаю, – повторила Вера легко. – Просто уйти, в никуда, в ничто. Ты сказал, что ты проводник. Если так, то ты

поможешь мне?

Я был растерян. Честно говоря, я не предполагал, как можно создать пустой мир, как вообще можно создать пустоту. Ведь даже вакуум – относителен. Девушка заглянула в моё лицо снизу вверх, так жалобно и наивно, что я чуть не прослезился.

– Послушай, Вера, я не знаю таких миров. В каждом из них, в каждом – что-то обязательно есть. И чтобы отправить тебя туда, мне нужно твоё желание. Мне нужна какая-то твоя часть, твоё увлечение, твой интерес. Ведь что-то тебя должно интересовать?

– Ничего.

– Получается, что единственная часть тебя осталась в том месте, где ты осуществила свою главную мечту – ушла из жизни. Ты тут и находишься сейчас.

Её губы задрожали, одновременно и от негодования, и от горечи:

– То есть, ты просто... Ты просто оставишь меня здесь?

– Боюсь, что так.

– Но я не хочу здесь оставаться! Я ненавижу этот мир, я хочу, чтобы он умер!!!

Эта фраза прозвучала резко, гулко, и заставила моё существо вибрировать на неприятной частоте.

– Терпения тебе, Вера. Терпения и стойкости, – единственное, что я смог сказать, уходя. Мне было одновременно и грустно от переживаний этой девушки, и неприятно слы-

шать её слова. Сознывая свою полную беспомощность, я отступил.

Крона большого, исполинского дерева на другом конце России скрыла меня от напряжения и смятения. Я опустил руки в чистую и прозрачную воду озера и омыл лицо. Сделал глоток и незамедлительно улыбнулся, наблюдая, как вода стекает через моё невидимое тело в землю.

Это было воображаемое место – ни на одной карте его нет – и вместе с тем, оно ничуть не отличалось от реального. Об этом лесе рассказал мне, умирая, старичок-фронтовик. Где-то неподалёку таких же дубов-великанов и чистого озера раньше, до войны, стояла его деревня. Он провёл в ней всё своё детство и молодость, здесь же гулял со своей первой любовью, здесь же целовал её, под тенью одного из деревьев. А потом ему исполнилось девятнадцать, и прогремели первые взрывы войны. Потом это человеческое безумие оторвало его от всего того, что он любил душой и сердцем. «Человеческое безумие» – его слова, меня ведь тогда ещё не было, и я ничего не знаю о войне. Я знаю только, что сейчас, в двадцать первом веке, ни этой деревни, ни этого леса нет. Первую разрушили ещё в сороковых, второй – вырубili в конце девяностых. Но кое-где они навечно остались такими живыми и реалистичными. Кое-где – то есть в памяти моего умершего друга. По его «макетам» я смог воссоздать этот мир и отправить его сюда. Я отлично потрудился над

лесным пейзажем, и иногда и сам прихожу в это место, чтобы насладиться им и восстановить силы.

– Вечные скитальцы – тяжёлое зрелище, да, Сет?

– Ужасное зрелище, Азур. Скажи, и неужели я ничем не мог ей помочь?

Наставник покачал головой и развёл руками:

– Ни ты, ни я, ни кто-либо ещё из нас. Пока у человека не появится мечты или цели – ему нет смысла ни умирать, ни снова рождаться.

– Страшно.

– Нет, скорее просто логично. Закономерно. А ты, я посмотрю, растёшь. Учишься создавать прекрасные иллюзии.

Меня немного задело слово «иллюзия», если не сказать огорчило. Мой мир казался мне настоящим – реальностью, пусть параллельной. Тем не менее, я ответил сдержанно:

– Мне тоже очень нравится здесь.

– Самые красивые миры обычно находятся в умах людей, переживших самые тяжёлые лишения. Это своего рода их отдушина, спасение, микстура для страдающей души. Лучшее, что может сделать проводник – учесть малейшую точность при создании такого образа. Ты настоящий мастер, Сет, я горжусь тобой.

– Твоя школа, Азур.

– Моя школа... – он улыбнулся двусмысленно и подобрал с земли жёлудь. – Как ты думаешь, ученик, а что если взять и посадить его в реальном мире? Он прорастёт?

– Не зимой же.

– И всё же я попробую.

Секунда – и он убежал в реальность, мелькнув подолом своего белоснежного пальто.

Заметка четвёртая

Я ненавижу его. Я лютой ненавистью проклиная эту красоту. Всё, что он создаёт для них, невыносимо прекрасно. И когда я вижу очередной его шедевр, я ссыхаюсь от тоски. Эти картины слишком идеальны, чтобы умирать. Слишком жизненны, чтобы быть смертью и нести смерть. Разрушая, они приносят больше боли вместо забвения.

Сет, ты заигрываешься тем, что не способен контролировать. Ты напоминаешь мне одного из таких, которые после смерти соглашаются принять из моих рук судьбоносное снотворное и погибнуть в красоте самозабвения.

Так нельзя, Сет. Услышь меня и не делай этого никогда больше. Не закрывай собственных глаз и будь реальным. Не уходи в сон, как Пигмалион вслед за своей Галатеей. Будь реальным. Прозрей.

А этот твой жёлудь... Удивительно прекрасный и пышущий жизнью жёлудь я принёс сюда, чтобы предать земле. Похоронить. И пусть все твои идеальные миры, вслед за ним, обратятся в прах.

Ты и сам прекрасно это знаешь. Я не лесник и не садовод. Рушить – это всё, что я умею.

Глава 5

Иногда, когда ему хочется размяться, Азур принимает облик белого волка и бежит со скоростью ветра по заснеженным альпийским лугам. Ночью – под чистым, глубоким синим небом и ярко-белыми кристальными звёздами.

Сегодня я решил присоединиться к нему, поэтому обернулся бурой лисицей и ринулся сквозь снега по его следам. Где-то далеко в космосе сияла луна, проецировала на холмы и равнины свой свет, напоминая холодному миру о существовании солнца и непереносимости наступления дня. Но для нас – двух диких псов – ничего кроме этой звенящей своей чистотой ночи не существовало. Только здесь и только сейчас.

– Азур?.. Азур!.. – сугробы хрустели под лапами; говорить на бегу было немного трудно, и я прерывался. – Мы создали с тобой миллионы миров!.. Мы воплотили в жизнь миллионы фантазий!.. А как ты думаешь, кто придумал этот мир?

Белый волк остановился, повернулся ко мне и подождал, пока я его догоню. Сверкнул в темноте насыщенно-красными глазами.

– Каждый создаёт свой собственный мир.

– Да нет же! Я имею в виду этот, общий мир! Который сейчас видишь ты, и который вместе с тобой вижу я! Кто был его создателем?

Он улыбнулся во всю ширину своей острозубой пасти:

– А почему ты так уверен, что я вижу то же, что и ты?

Почему ты думаешь, что я вообще что-то вижу?

– Как же так? А эти луга? А небо? А звёзды над нашими головами? Вся эта удивительная и восхитительная в своём замысле реальность – ведь у неё же должен быть создатель!

Волчьи глаза смотрели куда-то глубоко внутрь меня, не моргая.

– Ты никогда не думал, Сет, что красота окружающей нас псевдо-реальности зависит только от того, насколько мастерски мы умеем творить? Ты потрясающий создатель миров, тут мне за тобой не угнаться. Тут я не могу с тобой соперничать.

– Но этот мир создал не я! Все эти запахи и шорохи, деревья, долины и горы – это не моя выдумка!

– Конечно твоя. Их создали твои уши, нос и глаза.

– Тогда зачем ты сам превращаешься в волка? Не затем ли, чтобы иметь зоркий глаз и чуткий слух? Чтобы создавать более глубокие отражения реальности?

В ответ Азур снова обнажил свои сорок два клыка, вильнул роскошным хвостом и, прыгнув с холма, побежал дальше, продолжая нить своих следов на нетронутой зверем земле.

– Нас ждут, Сет! – прозвучало издалека. – Идём за мной, и я покажу тебе, что такое настоящая смерть!

Прислонившись к ссохшемуся дереву и закрыв глаза, на горной дороге сидел путник. Его глаза были закрыты, а губы – обветрены непогодой. Он очень замёрз, он почти не мог двигаться, и у него закончились спички и питьё. Похоже, он сбился с пути, потерял дорогу к дому. Поддев носом его безвольно лежащую на земле руку, Азур кивнул мне. Нюх волка за несколько десятков миль чувствует добычу.

В этот момент человек открыл глаза, он был ещё жив.

– Волчонок... Волчок... Ты пришёл проводить меня?.. – слабый, растроганный голос. Азур сел рядом и лизнул его щёку.

– Этот человек нас видит?!

– Прекрасно видит, Сет.

Мы общались невербально – мысленно. Ведь именно так, без слов, и разговаривают между собой настоящие животные. А человек смотрел на блестящую луной шерсть Азура и едва заметно улыбался потрескавшимися губами:

– Ты ведь пришёл проводить меня в свою снежно-белую страну?

Азур приблизился к нему вплотную, поставил свои широкие лапы на его колени, а затем лёг, укрывая путника своим телом. Мне показалось, что мой учитель неимоверно тронут осознанным подходом к смерти этого человека, и именно поэтому готов быть для него не хищным волком, а верным псом.

Человек глубоко вздохнул, запустил руки в серебристую

волчью шубу и снова закрыл глаза. Я увидел, как пространство на границе его пальцев стало несмело мерцать голубым. Несколько секунд – и мерцание перешло в неограниченный, неконтролируемый поток синего света, вышедший из откинувшегося на землю тела. Я не видел никакого человеческого силуэта, я не видел этих лже-человеческих очертаний, которые обычно учил «уплотняться», чтобы они не падали сквозь полы и стулья. Этому потоку синего света не нужна была никакая помощь, он обладал цельным сознанием и прекрасно понимал всё сам. Я даже не успел спросить, а он уже ответил:

– Волчонок... и ты, лисёнок... Я хотел бы отправиться в страну звёзд. В самый центр этого бесконечного, бескрайнего неба. Вы ведь отведёте меня туда? Сможете?

Волк и лис переглянулись, понимая и одобряя, и лишь кивнули головами. Волкам ведь нельзя ничего говорить – они не умеют. Всё, что они умеют – создавать прекрасные, высокие и чистые миры.

Заметка пятая

Неважно, какими выдумками человек тешит себя перед смертью – смерть есть смерть. Умирает ли он неосознанно, оставаясь в старческом маразме и после выхода из тела, или высвобождает чистый свет своего сознания – не имеет значения. Любой должен быть безжалостно разрушен. Любой исчезнет, любой будет стёрт до нуля.

Сет – ребёнок. Он до сих пор верит в сказки, в высшие миры, в бога. Как мне объяснить ему, что нет никакого бога, есть только цикл, начинающийся и завершающийся смертью. А весь остальной круг – только нелепый вензель, который каждый чертит сам, заведомо зная, что всё вышедшее из праха вновь в него обратится.

И все люди подобны ему – чертят ненужные узоры на полях своих тетрадей, а страницы её остаются незаполненными. И даже если иногда на них появляется элемент истины – дурацкие жизненные круги напрочь маскируют его от ищущих глаз.

Всё в этом мире бrenно. Всё есть смерть.

Глава 6

Наступила предновогодняя неделя. Деревья окончательно оголились, всё кругом побелело, люди готовились к смене календарного цикла, отмеряющего длину их жизни. Ну а у проводников всё как всегда. Та же самая работа, те же путешествия по несбыточным мечтам.

Я часто вспоминал о Вере с момента нашей встречи. Я пытался размышлять о том, что такое смерть и является ли она результатом сознательного выбора каждого человека. Предположим, она бессознательна, спонтанна, и человек не выбирает время своей смерти. В этом случае велика вероятность того, что мечты человека об идеальной жизни ещё не успеют до конца сформироваться. Человек не успеет изучить «суровую реальность» до той степени, чтобы всем своим сердцем возжелать «рая», или же он не успеет научиться тому, чему нас всех до определённой поры учит действительность. И что тогда получается? Работа проводника с таким человеком невозможна, создать для него подходящий мир мы не сможем, потому что единственное место, куда приковано его желание – это материальность. Возможно, подумал я, такие люди и не умирают, или, переживая клиническую смерть, возвращаются. Другое дело, если человек сдался. Сложил «лапки». Признал, что все его идеи несбыточны и отказался от их осуществления. Именно тогда, как ка-

жется, наша работа является наиболее уместной. Потому что единственный путь к достижению мечты для такого человека лежит через временный уход от физического существования.

И тут ко мне пришёл закономерный вопрос: а что если бы я, умирая, сообщил Азуру, что моё главное желание – остаться в живых?..

– Азур?.. Я давно хотел спросить. Когда умирают эти люди?

– Я не понимаю тебя, Сет.

– Эти люди умирают, когда приходит их время? Или когда они вкладывают свою ладонь в нашу?

– Слишком сложный вопрос. Некоторые люди ещё надолго остаются живы телом, хотя душой уже давно мертвы.

– Ты вертишь хвостом.

– Что-о?

Он возмутился. Мой учитель едва ли ожидал слышать от меня такую дерзость. Я же, ощутив по его реакции, что прав в своих предположениях, воодушевился ещё больше:

– То есть, получается, что они не умирают, а мы их убиваем? Если человек откажется идти за тобой в твою иллюзию – он оживёт?

– Они не отказываются, Сет. Никто.

– Да, ты настоящий мастер на иллюзии.

– Чего не могу сказать о тебе. Все твои иллюзии чертовски пахнут реальностью, – Азур мрачно усмехнулся, сло-

жил руки на груди и встал ко мне спиной, всем своим видом показывая, что разговор ему неинтересен, или же неприятен.

– И не надо, – ответил я просто. – Я не иллюзионист. Я – создатель миров.

Он развернулся. Резко, отрывисто. И за секунду прожёг меня своими кровавыми глазами:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Все из созданных мной миров – настоящие. Они продолжают существовать после создания.

– Ты говоришь серьёзно?

– Абсолютно.

– А кто наполняет их энергией?

– Я.

– Ты?!.. Сет, это катастрофа!!!

– Да где катастрофа-то? Все эти люди – они продолжают жить в своей мечте, к которой всю жизнь стремились. Что в этом плохого?

– Ты должен разрушать их, идиот! Как ты представляешь себе их обучение в сказке? Без причинно-следственных связей, без кармы, без колеса сансары и перерождений? Как ты представляешь себе их развитие в своих утопиях?!

– А я считаю, – терпеливо и с долей занудства ответил я, – что только получив все материальные блага мира, человек может осознать истинную цель развития и бытия. Когда им надоест моя утопическая сказка, они сами спустятся на землю. И такое перерождение будет даже лучше, потому что оно

будет осознанным.

Глаза Азура метали молнии в мой адрес.

– Почему молчишь?

– Мне не о чем с тобой говорить. Ты предал меня и пре-
небрёг моим учением. Я не желаю больше видеть тебя.

– Я думал, мы друзья.

– Я жалею о том дне, когда тебя убил.

Да, это было его признанием. Он хотел хотя бы так, хо-
тя бы этой фразой, вывести меня из равновесия, чтобы я сам
прервал нашу связь – разрушил её. Но, как бы он ни старал-
ся, я не хотел больше учиться у него разрушению. Я продол-
жил считать его своим лучшим другом. И несмотря на то,
что в этот день он исчез из моей жизни, я постоянно вспо-
минал о нём как о самом близком существе из бестелесных.

– Азур, а кто убил тебя? Слышишь?! Кто был твоим учи-
телем?!.. – крикнул я ему вдогонку. Я ведь никогда не ду-
мал о том, что кто-то однажды, также как и он мне, предло-
жил ему идеальную иллюзию, а он отказался и остался здесь,
между мирами живых и мёртвых. Мне действительно были
интересны эти подробности. Но он так и не откликнулся.
Растворился, замёл следы в одной из своих эфемерных све-
товых сфер.

Заметка шестая

Сет болен. Как и все мы. Он болен своими идеями. Он болен картинками, которые создаёт. Такая смерть – как он не понимает – становится гораздо более растянутой и поэтому мучительной. Если ты проводник – разрушай быстро и без сожалений. Разрушай, а потом разрушай разрушенное. До состояния «ничто», до полного нуля.

А он – продолжает колоть жертвам снотворное после умерщвления. Продолжает создавать для них идеальные сны. Растрачивает на это свою собственную силу. Рано или поздно он себя исчерпает, и я вынужден буду забрать его.

Одумайся, Сет, выздоровей. Пожалуйста, выздоровей...

Глава 7

К началу весны я существовал в нескончаемом множестве миров. Все они были моим созданием, прибежищем и домом, так же как прибежищем и домом провожаемых мною людей. И чем больше я создавал, тем больше начинал замечать, что мои миры вплетены друг в друга и создают единое полотно, а связующее звено между ними всеми – ни кто иной как я.

Но это ещё полбеды. Я увидел, что многие из миров несовершенны, как были несовершенны и люди, снабдившие меня их «макетами». Многие из миров противоречат друг другу – ведь счастье для одного не всегда является счастьем для другого, и не является абсолютным счастьем вообще. А полем, где сталкивались интересы всех моих вселенных, был, разумеется, я. Таким образом, чем дальше я продвигался в своей работе, тем больше внутренних противоречий ощущал и тем более дискомфортно мне становилось.

Я видел также, что и моим гостям подчас было неуютно в иллюзии, о которой однажды они для себя просили. Они тоже осознавали, что сложили неверную мечту, но мы уже ничего не могли изменить, ведь я понятия не имел, как теперь высвободить их из созданных мною картин. Для меня представлялось невозможным взять и одновременно лишить их всех этих образов.

Я – проводник в один конец. Я мог только отвести их в сказку, а как вывести обратно я не знал. Я был растерян. Я понимал, что пройдёт ещё немного времени, и я сдамся. Я не смогу больше ничего создавать.

Мне казалось, что сегодня, путешествуя между мирами, рассекая их со скоростью света, я заметил Азура, гуляющего босиком по мокрой траве посреди рассветного поля. Он ничего больше не делал – просто шёл медленно по бесконечной равнине и смотрел вдаль. Мне хотелось остановиться, войти в этот его мир и поприветствовать лучшего друга. Но я не стал. Я почувствовал, что это тот мир, войдя в который, посторонний не возвращается. Этот мир признаёт только создателя.

Заметка седьмая

Ничто так не ранит, как стальная роса на листьях поутру.
Когда ступни путника босы, путь превращается в пытку.

Зачем я иду, куда я иду, чего я достигаю...

Пустота. Не создавая ничего, я разрушил и иллюзию разрушения. Я разрушил свой собственный стержень. С каждым шагом я растворяюсь. Я погибаю, как сгоревшая звезда.

Эпилог

– А я согласен с тобой, Азур. Знаешь, согласен. Пусть каждый сам создаёт свою собственную реальность. Каждая такая реальность будет бесконечно верна.

Азур лежал на жухлой, прошлогодней траве последнего мира, в котором мы оба смогли найти укрытие – материальности. Сбежал из всех своих коллапсирующих вселенных, как и я из своих разрастающихся. На первый взгляд, он был неподвижен, мёртв. Но постойте-ка, разве Смерть может умереть? Нет, она не может. Я не верю в это.

– Я хочу, чтобы ты жил, Азур, – сказал я, живительным прикосновением дотрагиваясь до его плеча. – Я знаю, чего тебе не хватает. Я дам тебе это. Честно говоря, я насоздавал уже много такого, что хотел бы сейчас переосмыслить и переработать. Но без небольшой корректировки тут не обойтись. Ты не мог бы уничтожить кое-что для меня? Это поможет мне создать более совершенные миры. Азур, отзовись, пожалуйста. Ты – мой единственный друг.

– Мы взаимоисключаемы, Сет.

– Это всё только ярлыки.

– Мы мешаем друг другу.

– Мы – две половины одного круга.

– А что скажут живые?

– Ничего они не скажут. Мы их чем-нибудь займём.

– Например?

– Например... пусть сами создают и разрушают свои миры. Пусть каждый уходит в мир, созданный им самим. Осознанно.

– А чем займёмся мы?

– Тем же, чем и сейчас.

– Продолжим жить в своей иллюзии?

– Ага.

Я подал ему руку, помогая подняться, и обнял. Он был моим лучшим другом. С этого дня и до него. Он был им всегда.

Когда конструктивное и деструктивное объединяются, какой заряд принимает Вселенная?.. Возникнет ли третий вектор, или материя обернётся в абсолютное ничто?

Это зависит от того, каким Вы создадите свой собственный Мир.

2011

Душа Тринадцатого

В 21 веке у демонов-контрактников просто тьма работы. Если раньше лишь единицы задумывались о том, чтобы продать свою душу, то в наше время желающие подворачиваются почти на каждом шагу. Душа невидима, да и вообще непонятно, где находится, вот люди и жертвуют ей в обмен на сладкую жизнь в «здесь и сейчас». Хотите узнать полные условия стандартной сделки? Демон с удовольствием поведает вам об этом от первого лица.

Для развлечения читателей рассказ приправлен элементами порч, приворотов и прочей чёрной магии.

– Расскажи мне, зачем люди на такое идут?

– Это делает вас сильнее.

– Я не понимаю.

– Это делает вас сильнее в глазах окружающих. Успешнее. Создаёт вам идеальный облик, который вы показываете обществу. Людям ведь очень важна сторонняя оценка. Важно, что о них думают. Никому не хочется всю жизнь слыть неудачником, верно?.. И ещё это превосходная защита. До самого последнего дня.

– А недостатки контракта? Ты, конечно же, не скажешь?

– Зачем мне лгать. Достижения не будут вашими соб-

ственными. Вы сами, внутри, ничего не достигнете. Ваша истинная суть останется слабым ничтожеством и не обретёт духовного развития.

– Это всё?

– Пожалуй.

– Тогда я согласен.

– Не слышу вас?

– Я согласен. По рукам.

– По рукам, Господин.

Глава I

Конечно же, я не сказал ему всего. Однако остальное мне запрещено говорить моими печатями. Остальное человек должен понять или увидеть сам. И это решил не я. Так говорят те светлые сволочи, которые выжгли на мне свои отметины, окрестив демоном. Если быть точным, печатей у меня три. Самая сильная – печать на горло. Она запрещает говорить. Ещё две на руках, они запрещают влиять на материю или создавать предметы реального мира. Таким образом, сам по себе я бессилен что-либо изменить во вселенной, но если я буду использовать руки моего партнёра, то смогу слепить из его брэнной человеческой жизни всё, что он пожелает. Принести ему славу, деньги, успех у женщин. Всё, чем они так любят здесь заигрываться. Люди глупы и слепы в большинстве своём. Сконцентрированные на своём быте, они не видят главного. Им дают великую книгу жизни – лучший учебник во все времена – а они засматриваются обложкой. Увлекаются тем, что лежит на поверхности, и не заходят дальше. А я не слеп, я мог бы подсказать, в чём их основная ошибка. Если бы только не чёртовы печати.

Светлые говорят, что знание без осознания разрушает душу. Что человек должен не просто услышать от кого-то священные истины, а выстрадать их собственными потом и кровью. Я же показываю обратное: как разрушается душа, нахо-

дьясь в незнании. Несомненно, разрушаются такие души благодаря мне.

Вот такое противодействие света и тьмы. Обе стороны, по сути, понимают, что занимаются чепухой, но это скорее принципиальный спор.

Люди заключают со мной сделки, потому что не знают главного. Они не видят бесконечности жизни. Им кажется, что со смертью их физического мяса заканчивается всё. Как глупо и бездушно. Такие души мне почти не жаль забирать.

Вы знаете, что такое душа? Некоторым из вас, особо верующим, кажется, что душа – это бессмертная личность. Я вынужден вас огорчить. Личность смертна, личность – это проявление вашего физического мяса, животное эго, себялюбивое. Душа же кристально чиста от любых личностных характеристик. Душа является чистым светом. Нам внизу иногда очень не хватает тепла, и мы любим греться, вот вам и ответ на вопрос, почему я этим занимаюсь. Без света мы все слепы и беспомощны, как вверху так и внизу. Люди не умеют пользоваться своей внутренней силой, я же, научившись, использовал её во зло, и за это был её лишён. На тело моё были поставлены печати, с тех пор я был назван тёмной сущностью и занялся единственным приемлемым для таких как я делом. Контрактами о завещании душ.

Разумеется, внешности я не имею, как не имею имени. Но я могу выбрать любое из обличий и подобрать любое

из имён. Чтобы людям было проще понять, кто я такой, я одеваюсь в чёрное и называю себя Тринадцатым. Мне не очень нравится это имя, но так люди быстрее запоминают.

– Тринадцатый?..

Вот, пожалуйста. Это проснулся мой Господин. Я люблю называть так своих человеческих партнёров, только «Господин» и только на «вы». Это наделяет их смертную персону ещё большей важностью и ещё больше отдаляет их от собственной души.

– Я вас слушаю.

– Мне нужно идти в школу. Тебя точно никто не увидит там?

– Разумеется, Господин. Видеть меня можете только вы.

Этот мальчик учится в десятом классе. Он очень молод, но правила не запрещают нам вступать в контракт с детьми. Единственное условие – наличие астрального тела у заказчика, а его формирование, как правило, заканчивается к четырнадцати годам. Это прекрасный возраст для заключения сделок. Во-первых, в этом возрасте их проще заинтересовать, во-вторых – чем дольше мы сотрудничаем, тем больше благим удастся получить от физической жизни. Ведь именно этого они так хотят.

– Скажи, а о чём я могу тебя просить?

– Обо всём.

– Обо всём, что угодно?

– О любом физическом процессе из тех, которые вам зна-

комы.

– Даже о...

– Об убийстве в особенности, это моё любимое занятие.

У вас уже есть кто-то на примете?

Его жалкое тельце содрогнулось от ужаса. Как же они ничтожны. Маленькие слепые щенята. Впрочем, я положительно отношусь к животным.

– Простите, если напугал вас, Господин. Без вашего на то решения я не совершу ни единого шага.

– Мама уже ушла. Ты не мог бы погладить мою школьную форму?

– С удовольствием, Господин.

Да, сейчас максимум, кто ему нужен – это нянька, и ничего интересного с ним не провернёшь. Но вместе с тем мне прекрасно известно, что всё начинается вот так, со школьной формы. Главное – войти во вкус. Нам обоим. Так же и для меня: каждая новая душа – это новое кушанье, и его порой не сразу удаётся распробовать.

11.02.1993, четверг

Я называю его коротко – Трин. Он мой демон. Личный наставник с этого момента и на всю жизнь. Я заключил с ним самый настоящий контракт, который мы подписали кровью. Человеческой кровью, моей. У него крови, конечно же, нет, хотя есть тело, и оно смотрится вполне реальным. На вид ему около двадцати пяти, он брюнет и всегда носит чёрное. У него очень бледное лицо, а глаза тёмные и неестественно блестят, но в целом он выглядит как обычный парень, поэтому если даже его кто-то и заметит, то я уверен, что примут за моего друга или старшего брата.

Он всегда обращается ко мне с почтением, добр и поэтому совсем не похож на демона. Мне они всегда казались злыми, теми, кто причиняет вред. Этот же одновременно и помощник, и защита. Он ходит за мной повсюду как верный пёс, а всё из-за такой мелочи как душа. Которую я даже не видел, и вообще не знаю, есть ли она у меня. Наверное, идея продать душу может прийти только к человеку бездушному, а в таком случае мне нечего терять.

Он сказал, что я не смогу развиваться, не смогу получать опыт. Но разве то, что я сейчас делаю, нельзя назвать опытом? Наша училка по литературе говорит, что любое событие, как положительное, так и отрицательное, – это опыт. Конечно же, она это не сама придумала. Слизала у какого-ни-

будь классика и выдала за своё, что училки любят. Но смысл не меняется.

Порез на запястье ужасно болит. Я и не предполагал, что ему понадобится столько крови для подписи. Правда, этой кровью он нарисовал ещё какую-то пентаграмму у меня на шее, сзади, вокруг выпирающего позвонка. Потом растегнул воротник и показал мне свою такую же. Он сказал, что эта пентаграмма запрещает говорить. Не вообще говорить, разумеется, а только упоминать о сделке. Но в своём дневнике-то я могу такое писать. Поначалу я боялся, что рисунок увидит мать, но он впитался, или испарился, довольно быстро, за пару часов. Я пошутил перед ним, мол, тату оказалась некачественной, а он спокойно ответил, что это астральная печать, и она просто перешла через моё физическое тело на другие тела, невидимые. По его словам, если я вдруг решусь нарушить данное обещание о неразглашении, то она себя обязательно проявит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.